

ДИЛЕММЫ МОДЕРНИЗАЦИИ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЕЕ СОДЕРЖАНИЯ, ЦЕЛЕЙ И СТРАТЕГИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ

MODERNIZATION DILEMMAS: TO DEFINITION OF ITS CONTENT, PURPOSES AND STRATEGY IN SOCIOECONOMIC TRANSFORMATIONS

Юрий КИНДЗЕРСКИЙ,
кандидат экономических наук,
Институт экономики и прогнозирования
НАН Украины, Киев

Yury KINDZERSKY,
PhD Economics,
Institute for Economics and Forecasting,
NAS of Ukraine, Kyiv

Руководство Украины провозгласило курс на модернизацию страны (см. [1]). К сожалению, как свидетельствует практика отечественной политики, провозглашать не означает делать. Проблема состоит также в том, что нет единства ни среди политиков, ни среди экспертов в понимании целей модернизации, ее идеологии, приоритетов, экономических механизмов реализации, выделении субъектов модернизации, ее институциональной основы. Ввиду отсутствия объективных критериев оценки действий правительства с точки зрения их «модернизационности» существует высокая вероятность маскирования под «модернизационной» риторикой политики, приносящей выгоду далеко не всем членам общества, а лишь отдельным его представителям, находящимся у власти или приближенным к ней. Поэтому для начала следует уяснить, что такое модернизация, каковы ее цели, какая идеология должна лежать в ее основе, кто должен ее осуществлять и каким образом и т.п. Попытка критически осмыслить разные взгляды и ответить на поставленные вопросы (по крайней мере в авторской интерпретации) и стала целью этой статьи.

Термин «модернизация» в экономической теории используется преимущественно для обозначения политической и экономической стратегии, направленной на быстрое изменение технологических, хозяйственных и социально-экономических условий функционирования общества для предоставления ему большего социального динамизма и повышения конкурентоспособности [2, с. 7]. Различные словари дают заметно отличающиеся друг от друга толкования модернизации. Например, украинская «Экономическая энциклопедия»

С.Мочерного представляет ее только в технологическом ключе, как «процесс частичного обновления, замены устаревшего оборудования (машин, механизмов, приборов и др.), технологии производства, техническое и технологическое переоснащение промышленных и сельскохозяйственных предприятий» [3, с. 468]. Аналогичное определение приводится и в российской «Экономической энциклопедии» **Л.Абалкина** [4, с. 439]. Вне рамок такого подхода остается большинство характеристик экономической системы, так или иначе определяющих состояние развития страны и возможность удовлетворения ею потребностей социума. Также он не учитывает ни социокультурных, ни институциональных особенностей страны, формирующих характер хозяйственных отношений. В этой связи можно согласиться с мнением **С.Дубинина**, отмечающего, что «модернизация никогда не бывает обновлением лишь технологических решений – это всегда выбор тех или иных изменений в сфере общественных отношений со стороны элиты страны» [5, с. 5]. Причем исследователь обращает внимание,

что инициатива технологической модернизации, как правило, принадлежит государству, тогда как общество зачастую меняется стихийно. **В.Иноземцев** также отмечает, что модернизация не может быть «чисто технологической». «Инновационное развитие,

часто ассоциируемое с модернизацией, – подчеркивает он, – представляет собой лишь один из элементов, который может способствовать экономической и социальной модернизации» [2, с. 14]. Ученый обращает внимание на то, что в истории есть немало примеров, когда инновации были неспособны дать толчок масштабной экономической модернизации.

Политологический словарь **В.Коновалова** определяет модернизацию как «стремление государства, политической системы общества приблизить менее развитые страны к лидерам» [6, с. 134]. Сложность такого подхода состоит в отсутствии четко обозначенных эталонов, на которые следует равняться. Она лишь усиливается при наличии кардинальных культурно-ментальных отличий в ценностях и образе жизни между менее развитыми и более развитыми странами. Как правило, при таком подходе эталоном, на который следует равняться «недоразвитым», выбираются политические и социальные ценности, а также экономические характеристики стран Запада.

В философском словаре **А.Ивина** под модернизацией понимают «процесс перехода от традиционного общества, которое отождествляется главным образом с социальными отношениями патриархально-феодалного типа, к современному обществу индустриального капиталистического типа» [7]. Ограниченность такого подхода заключается в эволюционно-историческом понимании содержания модернизации, то есть она рассматривается как определенный неотвратимый

и закономерный этап эволюционного развития наций или стран, возникающий и происходящий сам по себе, не нуждающийся ни в каком внешнем вмешательстве ни со стороны государства, ни со стороны общества.

В.Иноземцев дает несколько взаимодополняемых определений модернизации. В одном из них под последней он подразумевает «скоординированные усилия общества по преодолению нетерпимого отставания в экономической и социальной сферах, чреватого потерей конкурентоспособности страны и утратой ею экономических и политических позиций на мировой арене» [2, с. 11]. В другом – ученый отмечает, что «это мобилизационный процесс, который предпринимается в тех или иных странах для сокращения образовавшегося отставания от государств-конкурентов» [8, с. 90]. В этих определениях следует обратить внимание на несколько важных, на наш взгляд, акцентов. В частности, в первом акцент делается на скоординированных усилиях и нетерпимом отставании. Таким образом

Проанализированы различные подходы к пониманию категории «модернизация». Показана необходимость одновременного осуществления модернизации страны по трем направлениям: социально-экономическому, политическому и технологическому. Акцентировано внимание на целесообразности выделения социальных и безопасностных императивов как приоритетных в политике модернизации, а также приспособления последней к интересам всего общества. Обоснована важность подчинения заданий и приоритетов развития промышленного производства и его технологической модернизации указанным императивам.

It is analyzed the different approaches to understanding of a category «modernization». It is shown the necessity of simultaneous modernization of the country in three directions: socioeconomic, political and technological. The attention is focused on the allocation's expediency of social and safety imperatives as priority in the modernization policy, and also the adaptation of above to interests of all the society. It is proved the importance of submission of tasks and priorities of development of industrial production and its technological modernization to the specified imperatives.

ковсвенно указывается на необходимость существования субъекта-координатора или организатора модернизации, а также на достижение страной того порога отставания, который воспринимается как нетерпимый, по крайней мере теми субъектами, которые инициируют модернизацию. Во втором определении внимание акцентируется на мобилизационном характере процесса модернизации и на внешних причинах ее инициации, в частности на существовании более развитых стран, побуждающих к модернизации данную страну. Такой подход, очевидно, не вполне удачен, поскольку он, во-первых, предполагает, что модернизироваться могут лишь отсталые страны, тогда как развитым это не нужно; во-вторых, невольно ограничивает нас выбором только догоняющей стратегии развития страны как единственно приемлемой; в-третьих, игнорирует внутренние «нетерпимые» условия функционирования страны, разрушающие ее общество и экономику изнутри, причем эти условия, как показали две волны последнего мирового кризиса (2008, 2011 годы), не менее опасны и могут возникнуть как в отсталых, так и в развитых странах.

Академик НАН Украины **В.Гец** склоняется к определению модернизации, предложенному философом **маркизом де Кондорсе**, который понимал под ней способность современных людей научно направлять изменения в обществе [9, с. 4]. Преимуществом такого подхода, с нашей точки зрения, является рассмотрение модернизации безотносительно к каким-либо иностранным эталонам или историческим этапам. Ограниченность в том, что под модернизацией можно считать любые изменения, только бы они были научно направлены, то есть происходили на основании выводов или рекомендаций каких-либо научных теорий или концепций. В данном случае проблема заключается в качестве самих теорий, в их способности адекватно отображать и объяснять те или иные явления, происходящие в реальной жизни. Ученый отмечает, что наиболее успешной является та модернизация, которая происходит, опираясь на ресурсы всего общества, и удовлетворяет интересы всего общества.

В.Иноземцев, в свою очередь, обращает внимание, что существенной чертой модернизации является обретение ею масштабного социально-политического измерения и восприятия как важного общественного проекта [2, с. 12]. В ней должны соединиться политическая воля, экономическая целесообразность и технологические возможности. К этому добавим, что, на наш взгляд, каждый в отдельности из этих факторов является всего лишь предпосылкой, но не катализатором развертывания модернизации.

Ученый выделяет три больших волны модернизации, которые были отмечены в последние полтора столетия¹. На протяжении этого периода взаимосвязанные экономические, социальные и политические преобразования в отдельных странах² кардинально усилили их позиции в мире. Общей и важной, с нашей точки зрения, чертой этих волн явилось интенсивное развитие промышленного производства для достижения тех социально-экономических и политических целей, которые стояли перед странами на соответствующих исторических этапах. Исходя из анализа опыта модернизации, исследователь делает ряд выводов относительно возможных вариантов ее стратегии и объективных границ.

В частности, первый вывод таков: модернизация предусматривает мобилизацию ресурсов и реформирование действующих или внедрение новых экономических и социальных институтов общества для ускорения развития. То есть ее осуществление происходит на основе мобилизационной стратегии, реализация которой требует руководящей роли государства. Последнее должно определить приоритетные направления вложений мобилизованных ресурсов, учитывая не только критерий экономической выгоды, но и критерий минимизации оппортунизма со стороны широких слоев населения.

Дополняя этот вывод, отметим, что если избранные государством направления не отвечают потребностям населения, ресурсы которого к тому же в той или иной степени мобилизованы на модернизационные цели, то осуществлять такую модернизацию нет смысла. Кроме того, с точки зрения социальной целесообразности последняя должна нивелировать не только внешнее «нетерпимое» отставание, но и внутренние «нетерпимые» условия жизни большинства граждан, создающие потенциал саморазрушения и деградации социума и хозяйственной системы независимо от внешних обстоятельств. Из этого, на наш взгляд, следует важная задача: создать такую систему управления развитием страны, которая бы позволяла, например в интерактивном режиме, выявлять потребности граждан и трансформировать их в соответствующие направления государственной экономической политики и концентрации ресурсов. В данное время ничего подобного, по крайней мере в Украине, не существует.

Суть второго вывода состоит в том, что по своему характеру развитие, которое происходит во время осуществления модернизации, является догоняющим. Его конечной целью является формирование таких общественно-экономической и политической систем, которые создадут условия для дальнейшего устойчивого эволюционного немобилизационного развития. Успешной можно считать ту модернизацию, которая одновременно выступает первой и последней, то есть исключающей в будущем потребность в новых модернизациях.

В-третьих, модернизация предполагает масштабные заимствования технологий и стереотипов поведения на рынке из более развитых стран. Это позволяет, с одной стороны, точно оценить последствия модернизации, поскольку они будут аналогичны тем результатам, которых уже достигли страны-доноры, а с другой – существенно экономить ресурсы, поскольку разработка собственных технологий обойдется значительно дороже, чем приобретение иностранных, что особенно актуально в условиях дефицита средств и высокой неопределенности ожидаемых в перспективе результатов собственных разработок.

В-четвертых, модернизация имеет свои объективные границы. Она позволяет стране лишь преодолеть или сократить разрыв от стран-лидеров в уровне индустриально-технологического развития, но не опередить их, поскольку такое опережение априори не может достигаться путем заимствования. Задача опережения требует создания собственных систем знаний и технологий, лучших по сравнению с зарубежными, что и обеспечит лидерство. Развитие таких систем нуждается в другой мотивации субъектов, нежели та, что используется в условиях мобилизации.

Будучи ярким сторонником идеи модернизации, **В.Иноземцев**, тем не менее, считает шансы на ее успех, в частности в России, низкими при сохранении тех институциональных и хозяйственных условий, которые сложились в стране [10]. Необходимо сказать, что названные исследователем условия практически полностью совпадают с теми, что характерны и для Украины, поэтому на них следует обратить внимание.

Первое, на что указывает ученый, это отсутствие понимания модернизации как комплексного процесса. На примере России он показывает, что предложенные Президентом **Д.Медведевым** направления модернизации – медицина и фармацевтика, энергетика, информатика, космические и телекоммуникационные системы, энергоэффективность – никак не связаны между собой и имеют различные схемы реализации. Последнее из направлений – энергоэффективность – вообще требует новой индустриальной революции, тогда как правительство о ней не упоминает, а ведет речь лишь о переходе к постиндустриальному обществу и инновациях. Добавим, что предлагаемые направления затрагивают исключительно технологический аспект модернизации, тогда как о ее социально-политических аспектах вопрос практически не ставится.

Второе – это то, что в стране сложилась неблагоприятная для восприятия идей модернизации бизнес-культура. Как иронически отмечает ученый, основной вид бизнеса – бесконечное жонглирование собственностью, наращивание капитализации, умножение дивидендов и их вывод за рубеж. Досадно то обстоятельство, что политическая элита страны де-факто поддерживает именно такой «уклон». Это связано с тем, как справедливо замечает **В.Иноземцев**, что и бизнесмены, и политики ориентированы на быструю выгоду, а не на продолжительную модернизацию.

Третье обстоятельство состоит в отсутствии в России конкурентных преимуществ, которые бы стали двигателем ее модернизации. В стране процветает только большой провластный бизнес, условия ведения не связанного с властью бизнеса неблагоприятны. Политика социального популизма привела к росту доходов без соответствующего роста производительности труда, поэтому в части стоимости трудовых ресурсов мы не можем составить конкуренцию азиатским странам – основным поставщикам дешевой рабочей силы на мировой рынок. Уровень профессиональной и образовательной подготовки наших кадров только снижается, тогда как в названных странах – растет. Научный потенциал страны деградирует, научные достижения в подавляющем большинстве далеки от мировых. Наличие перечисленных факторов, к сожалению, не вызывает ни наименьшей обеспокоенности у власти, поэтому и не следует верить ее «модернизационной» риторике.

Четвертое: страна не в состоянии окончательно оторваться от своего советского прошлого ни в плане взглядов на управление экономикой, ни в плане формирования новой общественной идеологии. Значительная часть населения ностальгирует по прошлому, а власть превратилась в привилегированный бизнес, использующий весь государственный административный аппарат,

государственные финансы, правоохранительную и судебную систему для поддержки и защиты собственной хозяйственной деятельности, перераспределения собственности, устранения конкурентов, получения ренты и т.п.

В.Иноземцев подытоживает, что в подобных условиях модернизация невозможна: нет четкого понимания того, к чему мы стремимся, какие инструменты использовать, нет здоровой предпринимательской культуры и весомых конкурентных преимуществ, нет политиков, способных принести в жертву собственные краткосрочные интересы в пользу долгосрочных общественных. Страна не ощущает потребности в модернизации, не ощущает себя единым целым. Поэтому ученый склоняется к мысли, что модернизация может быть поставлена на повестку дня только «сверху», если у политиков появятся соответствующие амбиции и желания начать изменения. Примером могут послужить многие развивающиеся страны, достигшие успеха, а сейчас и некоторые постсоветские страны, в частности в большей мере Грузия, в меньшей – Казахстан.

Академик НАН Украины В.Гец отходит от категоричного навязывания стране догоняющей мобилизационной модернизации, целью которой является только быстрая индустриализация. По его мнению, ее идеология, особенно в Украине, должна формироваться на философии и политике либерализма. В основу последнего положена свобода и возможность творческой самореализации человека. Эта политика, по утверждению ученого, кардинально изменила картину мира и подняла на значительно более высокий уровень удовлетворение интересов и потребностей всех членов общества, то есть, в нашем понимании, позволила иным, немобилизационным, способом преодолеть «нетерпимое» отставание или условия жизни, о которых упоминал В.Иноземцев. Взгляды названных ученых не следует противопоставлять, они не противоречат, а скорее дополняют друг друга. В.Гец ведет речь не об экономическом либерализме в духе Вашингтонского консенсуса, а о моральном или этико-политическом либерализме³ как социальной и политической составляющей модернизации, тогда как В.Иноземцев акцентирует внимание преимущественно на индустриально-технологической составляющей последней. Поэтому догоняющая стратегия, на наш взгляд, не должна и не может перечеркивать идеалы свободы и самореализации человека, равно как и свобода каждого индивида не должна отрицать в случае целесообразности мобилизацию «всех и всего», если результатом последней станет еще большая свобода или раскрытие потенциала самореализации.

В.Гец стоит на позиции, что сейчас понимание идеологических постулатов либерализма искривлено, примитивизировано, выхолащено и подменено неприступными ему ценностями и формами, оно полностью противоположно тому пониманию либерализма, которое закладывалось в начале его возникновения как политической программы и системы взглядов в XVIII-XIX вв. Исследователь показывает, что характер украинских реформ, следствием которых стало массовое обнищание населения и формирование олигархии, контролирующей власть и систему правосудия, нельзя считать либеральными, несмотря на то, что в сознании как населения, так и подавляющего большинства политиков и экспертов они расцениваются именно такими.

Трансформационные изменения, именованные политикой либерализации и проводившиеся под лозунгом либерализации цен и внешней торговли, формирования института частной собственности и представительной системы власти, макроэкономической стабилизации, являются всего лишь формальными, но далеко не главными и исчерпывающими признаками либерализма. Поэтому такая политика была обречена на провал. В ходе реформ не удалось (и даже не ставилось целью) достичь других, значительно более важных для реализации либеральной идеи, вещей. В.Гец отмечает, что капитализм, начавший формироваться в Украине, в первую очередь должен был бы освободить личностный потенциал человека от тех ограничений, которые существовали в планомерно-организованном хозяйстве [9, с. 7]. Новая общественная система, в отличие от предыдущей, должна была бы привести к объединению и взаимосогласованию таких особенностей человеческой психики, как, с одной стороны, роста личного самосознания, что является проявлением автономии и индивидуализации человека, и с другой – реализации потребности в самоутверждении в отношениях с другими людьми в их совместной деятельности, что выступает признаком интеграции и слияния человека с обществом.

Интеграция между людьми, взаимосогласованность индивидуальной и социальной сфер жизни, объединение усилий людей для целей будущего развития возможны только на основе доверия. Оно должно поддерживаться в обществе или созданием соответствующих формальных правовых норм, или существованием более эффективных в сравнении с первыми неформальных морально-этических

норм. И первые, и вторые призваны сделать невозможным произвол и насилие кого-либо из членов общества по отношению к другим и обеспечить их мирное сотрудничество. Академик В.Гец приходит к фундаментальному выводу, с которым трудно не согласиться, что «для стабильного функционирования и развития общества и экономики базовым условием является наличие доверия» [9, с. 8], которое и должно составлять основу либерально-организованной общественной и хозяйственной системы страны. Отсутствие доверия приводит к возникновению проблем с идентификацией задач развития, поскольку несогласованные между собой в социальном аспекте индивидуалистские интересы становятся причиной односторонней гипертрофированной формы индивидуализма присвоения. Они (интересы) превращают индивидуализацию в индивидуализм и позволяют правовой системе выходить за определенные рамки, а в условиях слабой, как в Украине, судебной системы, приводят к увеличению административного давления и деспотизма государственных руководителей. Именно из-за низкого уровня доверия в обществе реформы в Украине не привели к росту у подавляющего большинства людей чувства собственного достоинства к тому уровню, который создал бы им возможности для самовыражения, самореализации, самообеспечения и самодостаточности. Вследствие неудачных и поверхностных с этой точки зрения реформ в украинском обществе, по мнению **О.Злобиной**, людей экстерналистской ориентации значительно больше, чем ориентированных на собственные усилия [13, с. 195].

Обеспечение и укрепление высокого уровня доверия между субъектами и доверия к государству будет минимизировать совокупные транзакционные издержки экономической системы и максимизировать полезность от совместной деятельности субъектов, что, в конце концов, будет гарантировать успех в осуществлении модернизации страны. В Украине ничего подобного достичь не удалось. В ней по результатам реформ утрачено не только доверие субъектов к государству, но и друг к другу, что обусловило отчуждение граждан от общественной жизни и формирование у них поведения по типу «война всех против всех». Такое поведение прямо указывает на антилиберальное устройство украинского общества и является путем к его разрушению, поскольку при тех правовых, экономических и социальных условиях, которые созданы в стране, отдельно взятые граждане заботятся только о своей собственной непосредственной выгоде и не совершают никаких действий, которые бы укрепляли общество.

В Украине отсутствует ключевой признак либерализма – общественное сотрудничество, дающее возможность человеку развиваться и самореализовываться. Государство не выполняет роли модератора такого сотрудничества, не выступает институтом, принуждающим придерживаться правил жизни в обществе, поэтому к нему нет доверия со стороны граждан. Последние же при такой неспособности государства считают, что лучше вообще никому не доверять и ни с кем не сотрудничать, что является свидетельством отсутствия либеральных основ в функционировании государственных институтов и общественного устройстве в Украине [9, с. 12]. Кроме того, недоверие к власти означает также то, что последняя не решает проблем тех, кто выступает ее источником, то есть народа. Поэтому нет оснований говорить и о наличии в стране такой неотъемлемой составляющей либеральных отношений, как демократии, то есть такого политического устройства, которое, согласно определению **Л. фон Мизеса**, позволяет правительству без насилия приспосабливаться к желаниям тех, кем оно руководит [14, с. 45], несмотря на то, что сугубо формальные ее признаки, такие как выборы (непрозрачные и безальтернативные по смыслу) и свобода слова (ограниченная и контролируемая властью), присутствуют.

Реформы в Украине, задекларированные как либеральные, не достигли главной цели, которую ставит перед собой настоящий либерализм: создания благосостояния для всего населения, а не только для отдельных его немногочисленных групп и представителей. Разрыв в доходах между богатыми и бедными слоями населения неуклонно растет, особенно печальным для украинской действительности выступает тот факт, что рост имущественного расслоения является следствием не самоотверженного и настойчивого труда, а результатом постоянного, административно поддерживаемого перераспределения собственности. Причем в правительственных кругах даже не ставится вопрос о выравнивании доходов и внедрении прогрессивной шкалы налогообложения вместо существующей линейной, что и будет означать либеральную политику благосостояния для всех.

Учитывая вышеизложенное, можно поддержать вывод В.Геца, «что в Украине в результате трансформации 90-х годов XX века и первых 10 лет XXI состоялась победа преимущественно консервативных, а не либераль-

ных принципов организации экономической и общественной жизни, при значительном ограничении степени его демократичности» [9, с. 19]. Именно поэтому он считает, что либерализм и демократия должны быть положены в основу курса на модернизацию Украины. Новый курс, по мнению ученого, означает: формирование институтов благосостояния, выравнивание доходов, налоги на богатых, гарантированную общедоступную медицину и образование, общественный консенсус относительно направлений реформ, положительные результаты реформ для всего общества.

А.Гальчинский считает, что либеральный контекст в выборе идеологии украинской модернизации отвечает логике цивилизационного развития [15]. Он стоит на позиции, что начинается эпоха действительного либерализма, обосновывая свою точку зрения рядом аргументов, заслуживающих внимания.

Во-первых, исходя из сущностного определения либерализма, ученый указывает на то, что согласно с установившимся классическим подходом его каркас состоит из единства трех составляющих: свободы личности, свободного рынка, «ограниченного» правительства. При этом важно, на наш взгляд, что из этих составляющих на первое место исследователь ставит свободу личности, отводя ей роль главной цели либерализма. Последним двум (свободному рынку и «ограниченному» правительству) он отводит лишь инструментальную роль механизма достижения этой цели, не абсолютизируя их решающее значение, а отмечая, что они могут быть приемлемы лишь до определенной меры и при определенных обстоятельствах, не ограничивающих развитие и свободу личности. Такой подход заслуживает поддержки. Он не накладывает на инструментарий государственной политики жестких идеологических рамок, позволяет гибко подойти к выбору средств, учитывая конкретные обстоятельства и уровень развития социально-экономической системы, ориентируясь лишь на критерий обеспечения свободы. Можно согласиться с А.Гальчинским, что нынешнее утверждение либерализма является исторически закономерным и корреспондирует с новым циклом глобальных цивилизационных трансформаций. Их основой становится «суверенизация личности, усиление ее самодостаточности, творческого потенциала, креативной функции» [15, с. 24], то есть все то, что выступает целью либерализма. Благодаря этому на смену унифицированной вертикальной организации общественного производства приходит горизонтальная гибкая сетевая организация, выходящая за пределы национальных границ на глобальный уровень.

Во-вторых, ученый отмечает, что государство должно воздействовать на экономические процессы через общество, а именно посредством знаний, информации и социального капитала, носителем которых является человек. В свою очередь, формирование указанного капитала как неотъемлемого элемента модернизации может происходить только в государстве всеобщего благосостояния. Основы такого государства, как указывает А.Гальчинский со ссылкой на **П.Кругмана** [16, с. 288], были заложены в США в 30-х годах XX века в «Новом курсе» **Ф.Рузвельта**, благодаря которому страна получила не только средний класс, но и приблизилась к демократическому идеалу. На это следует обратить внимание, поскольку такая позиция резко контрастирует с традиционными псевдолиберальными представлениями о минималистской роли государства, особенно в социальной сфере. В данном случае идеи либерализма об ограничении неравенства и несправедливости совпадают с идеями социал-демократизма, а потому либерализация экономики, общества, государства и бизнеса может оцениваться по уровню их социализации или способности преодолевать неравенство и несправедливость. Следует учитывать, что механизмы обеспечения такой социализации в этих моделях общественного устройства отличаются друг от друга.

Либерализм против неоправданного государственного патернализма. Он сосредотачивается на обеспечении экономической свободы, формировании экономически активного человека, способного брать на себя решение социальных проблем, проведении социальной политики с опорой на средний класс, состоящий именно из таких людей. В социальной политике при либерализме государство должно гарантировать социальную справедливость посредством предоставления равных шансов всем на старте их трудовой жизни. Объектом социальной благотворительности и социальной опеки с ее стороны должны быть только малоимущие слои населения, не имеющие возможности своими силами удовлетворить собственные социальные нужды. Вместе с тем государство должно осуществлять социальное выравнивание и не допускать возникновения больших разрывов в распределении доходов и имущества между разными слоями населения. При этом оно должно исходить из того, что путем к

выравниванию является формирование богатого общества на основе создания высокопродуктивной экономики, а не политика социального популизма без учета существующих в стране экономических условий продуцирования богатства. Выравнивание и снижение дифференциации, по мнению А.Гальчинского, созвучному с упомянутыми взглядами В.Гееца, может осуществляться путем проведения соответствующей политики доходов населения, суть которой сводится к их прогрессивному налогообложению.

Российский ученый **Р.Гринберг** в свою очередь отмечает ряд аспектов, учет которых, по его мнению, сделает курс на модернизацию осуществимым [17]. Первый аспект состоит в возрождении инновационного кадрового потенциала и его основного источника – среднего класса, разрушенного за годы реформ. Позиция исследователя по поводу решения этой проблемы перекликается с предложениями упомянутых выше ученых. Она состоит в изменении «антисоциальной» направленности осуществляемой государством социальной политики, разрушившей этот потенциал.

Второй аспект заключается в том, что государству следует параллельно проводить политику формирования эффективных рыночных институтов и активную структурную и инновационную политику. Первая должна сделать невозможными неформальные экономические отношения субъектов между собой и с государством, сформировать условия для одинакового правоприменения ко всем экономическим агентам. Ее составляющие – это повышение эффективности антимонопольного регулирования, защиты прав собственности и контрактных прав, снижение налогового бремени, развитие инновационного малого и среднего бизнеса, борьба с коррупцией. Реализация только одной политики создания рыночных институтов, по мнению Р.Гринберга, с которым можно согласиться, не позволит избежать спонтанности формирования структуры экономики, обусловленной ее чрезмерной открытостью и угрозой подчинения внутреннего производства интересам иностранных ТНК. Именно поэтому эта политика должна сопровождаться активной структурно-инновационной политикой относительно формирования структуры отечественного производства в соответствии с национальными интересами. Ученый предлагает выделить три группы субъектов для государственной поддержки. Первая группа – производства, имеющие значительный научно-технический задел, их продукция отвечает мировым стандартам, они способны за короткое время стать конкурентоспособными на внутреннем и внешних рынках. Вторая – отрасли и производства, исчезновение которых угрожает социальным взрывом и значительным ростом безработицы. Третья – необходимые для поддержания национальной безопасности сферы.

Последний аспект, на котором останавливается исследователь, состоит в том, что правительству при осуществлении модернизации и диверсификации собственной экономики следует обратить внимание на возможности расширения инвестиционного импорта. Речь идет об импорте современных машин, оборудования и технологий из высокоразвитых стран.

Идея новой индустриализации и активной структурной политики как одного из направлений стратегии модернизации находит поддержку среди ведущих ученых. В частности, академик РАН **Н.Шмелев** отмечает, что «без нового строительства, без новых государственных (при отсутствии частных) инвестиций переход ... экономики к новому, современному ... укладу ... невозможен» [18, с. 18]. Модернизационные усилия государства, как отмечает исследователь, должны быть сосредоточены не только на инфраструктурных проектах, но и на перспективных промышленных направлениях, где в отечественных условиях прогресс объективно не может быть достигнут лишь за счет частного сектора. В этой связи ученый ставит вопрос о необходимости прямой предпринимательской деятельности государства, с чем, по нашему мнению, можно согласиться. При этом она (деятельность) должна императивно включать организацию и последующую эксплуатацию предприятий в наиболее важных, науко- и капиталоемких отраслях экономики. Главное, как подчеркивает Н.Шмелев, – в ходе второй индустриализации дать толчок промышленным мощностям, находящимся в стагнации, радикально обновить их основной капитал. Начать следует с отраслей, чья продукция направлена на удовлетворение первоочередных потребностей общества, а потом развивать отрасли высоких технологий, руководствуясь снова-таки критерием соответствия общественным нуждам.

Таким образом, наличие различных взглядов на проблему модернизации свидетельствуют о ее сложности и многогранности. Прежде всего следует определиться с самой категорией «модернизация». Она, как стало очевидно

из приведенного анализа, истолковывается по-разному. В частности, как определенная стратегия быстрых изменений в обществе и экономике, как закономерный процесс перехода от одного общественного строя к другому, как мобилизационный догоняющий процесс или, более узко, лишь как процесс технологического обновления производства. Также ее рассматривают как стремление государства приблизиться к эталонам более развитых государств, как скоординированные усилия общества по преодолению своих проблем или просто как способность людей осуществлять определенные изменения. В этой связи возникает закономерный вопрос: что означает «модернизация» – стратегия, процесс, усилие или простую способность к чему-либо?

Мы не претендуем на исчерпывающую окончательную формулировку этой категории, тем не менее, в общем виде предлагаем рассматривать модернизацию прежде всего как определенную стратегию развития страны. Для конкретизации определения в него следует ввести целевые, субъектно-объектные и причинно-следственные характеристики настоящего и ожидаемого вследствие модернизационной трансформации состояния функционирования хозяйственной системы и социума. **Под модернизацией, на наш взгляд, следует понимать такую практически воплощаемую (а не декларативную) стратегию развития страны, которая:**

□ направлена, во-первых, на преодоление внутренних «нетерпимых» условий жизнедеятельности общества и функционирования хозяйственной системы страны, приводящих к высвобождению потенциала их деградации и саморазрушения; во-вторых, на создание условий для долгосрочного устойчивого развития на основе восстановления разбалансированных процессов общественного воспроизводства, эффективного противодействия дестабилизирующим факторам и угрозам;

□ осуществляется на основе достижения общественного консенсуса и тесного взаимодействия в треугольнике «власть-бизнес-общество» при неоспоримом приоритете удовлетворения интересов последнего в сопоставлении с интересами первых двух.

Именно общественный консенсус, с нашей точки зрения, позволяет разрешить дилемму относительно выбора уровня, с которого должна инициироваться и проводиться модернизация – «сверху» или «снизу». Такой консенсус позволяет максимально сблизить интересы и «верхов», располагающих всем арсеналом инструментов для указанного проведения, и «низов», не имеющих возможности реально воздействовать на экономическую ситуацию и политику, но без учета интересов которых постановка самой проблемы модернизации теряет всякий смысл.

Вопрос, какой должна быть эта стратегия с точки зрения перспективных позиций страны по сравнению с другими странами – догоняющей или прорывной, – на наш взгляд, является производным. Она (стратегия) зависит от тех проблем, которые в данное время существуют в обществе, разрушающих и дестабилизирующих его, а также от того, каким наиболее приемлемым способом эти проблемы могут быть решены с точки зрения достижения целей при наименьших затратах. Модернизация в отечественных условиях, как отмечают отдельные исследователи, должна предусматривать создание приемлемой жизненной среды для всего населения страны или своеобразной «инфраструктуры жизни» [19, с. 75]. Добавим, что эта инфраструктура должна быть способна давать адекватные ответы на внешние и внутренние угрозы жизнедеятельности человека и страны в целом, прежде всего нейтрализовать техногенные и экологические угрозы, военные угрозы (внешней военной агрессии), угрозы внешней ресурсной и продовольственной зависимости, голода, безработицы, массовых болезней, социальной катастрофы и т.п. То есть в задачах модернизации должен обязательно присутствовать, кроме социального, также безопасностный аспект.

Решение задач модернизации, учитывая специфику и особенности институциональной и хозяйственной среды страны, нуждается в соответствующей гибкости, неординарности и нешаблонности государственной политики. В данном контексте нам импонирует предлагаемая **Гжегожем Колодко** теория стечения обстоятельств развития [20, с. 10-11]. Ее главными чертами являются: отказ от любого догматизма, ограничивающего выбор инструментария политики жесткими идеологическими рамками; отказ от попыток создать универсальную теорию экономического роста, перенесение внимания на специфические черты явлений и процессов, связанных с воспроизводством; применение экономической компаративистики; отделение целей деятельности от средств их достижения; инструментальная гибкость в зависимости от конкретной специфической ситуации.

Модернизация должна быть системной и осуществляться одновременно по трем направлениям – социально-экономическому, политическому и технологическому. Эти составляющие модернизации должны быть тесно взаимосвязаны в части их подчиненности прежде всего интересам всего общества. Технологическая модернизация не должна рассматриваться как самоцель, безотносительно к разрешению общественных проблем. Социальный и безопасностный контекст должен быть положен в основу этого направления модернизации и выбора отраслевых приоритетов промышленного производства. Важности развития промышленности и проведения соответствующей задачам модернизации промышленной политики не следует недооценивать, поскольку именно эта отрасль создает материальную основу для решения тех или иных социальных и безопасностных проблем. Целью модернизации промышленности в целом и ее отдельных отраслей, избранных в качестве приоритетных, должны стать, с одной стороны, повышение производительности труда и, соответственно, уровня доходов населения, а с другой – разрешение указанных проблем на основе развития собственного производства. В данном контексте вопрос относительно применения заимствованных или собственных технологий является важным лишь с точки зрения их пригодности для решения поставленных перед обществом вопросов. Если учитывать тот факт, что зарубежные (западные) технологии исторически оказались более продуктивными и более приспособлены к нуждам социума, чем отечественные, то выбор варианта решения вопроса, на наш взгляд, становится очевидным, по крайней мере сегодня.

ССЫЛКИ

¹Более подробно см. [2, с.15-21].

²Речь идет в первую очередь о дореволюционной России (потом Советском Союзе), Германии, США и Японии вместе с другими странами Восточной и Юго-Восточной Азии.

³Более подробно описание различных течений либерализма см., напр., в раб. [11; 12, с. 16-17].

ЛИТЕРАТУРА

1. Модернізація України – наш стратегічний вибір: Щорічне Послання Президента України до Верховної Ради України. – К., 2011. – 416 с.
2. Иноземцев В.Л. Что такое модернизация и готова ли к ней Россия? // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Сборник статей и материалов. Выпуск 1 / Под ред. В.Л.Иноземцева. – Москва, Центр исследований постиндустриального общества, 2009. – 240 с.
3. Економічна енциклопедія: У трьох томах. Том 2 / Редкол.: ... С.В.Мочерний (відп. ред) та ін. – К.: Видавничий центр «Академія», 2001. – 848 с.
4. Экономическая энциклопедия / Науч.-ред. совет изд-ва «Экономика»; Ин-т экон. РАН; Гл. ред. Л.И.Абалкин. – М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1999. – 1055 с.
5. Дубинин С. Альтернативы модернизации / Свободная мысль. – 2010, №2 (1609) – С. 5-14.
6. Словарь по политологии / Под ред. проф. В.Н.Коновалова. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2001. – 285 с.
7. Философия: энциклопедический словарь / Под ред. А.А.Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
8. Иноземцев В.Л., Амосов А.И., Андрюшин С.А. и др. Модернизация России в контексте глобализации / Мировая экономика и международные отношения. – 2010, №2. – С. 90-103.
9. Геєць В. Ліберально-демократичні засади: курс на модернізацію України / Економіка України. – 2010, №3. – С. 4-20.
10. Иноземцев В.Л. Модернизация в России: каковы шансы на успех / Журнал Новой экономической ассоциации. – 2010, №7. – С. 146-149.
11. Капустин Б. Что такое либерализм? / Свободная мысль. – № 8, 2004. – С. 33-55.
12. Зверяков М. Ліберальна ідея і модернізація економіки України / Економіка України. – №7, 2010. – С. 11-21.
13. Злобіна О. Соціально-психологічні складові адаптивного потенціалу населення // Українське суспільство 1992–2008 рр.: соціологічний моніторинг / За ред. Ворони В.М., Шульги М.О. – К.: ІС НАНУ, 2008. – С. 193-201.
14. Людвиг фон Мизес. Либерализм. – М.: Экономика, 2001. – 239 с.
15. Гальчинский А. Лібералізм – еволюційні трансформації / Економіка України. – 2010, №6. – С. 23-34.
16. Кругман П. Кредо либерала. – М.: Европа, 2009. – 330 с.
17. Гринберг Р.С. Осуществима ли российская модернизация? / Журнал Новой экономической ассоциации. – 2010, №7. – С. 144-146.
18. Шмелев Н. Модернизация экономики: императивы государственного участия / Свободная мысль. – 2010, №2 (1609). – С. 15-26.
19. Гульбинский Н. Модернизация или «отстой»? / Свободная мысль. – 2010, №3 (1610). – С. 73-84.
20. Колодко Гж. Від ідеології неолібералізму до нового прагматизму / Економіка України. – №9, 2010. – С. 4-11.